Независимая газета. – 1998. – – 16 янв. – с. 12

ПОДМОСТКИ

И СВИДРИГАЙЛОВ, И РАСКОЛЬНИКОВ...

Пять дней на репетициях Юрия Любимова

Григорий Цитриняк

О том, как инстанции принимали очередную постановку Юрия Любимова «Преступление и наказание» по роману Достоевского, хорошо известно: как все работы Юрия Петровича, поскольку приводные ремни от партии к Лубянке всегда усматривали у него нежелательные аллюзии. Тогда, в 1979-м, у Любимова кровушки попили, не без того, но ему все же повезло, публика спектакль увидела, он и до сих пор идет. В отличие, скажем, от запрещенных в те же времена «Трех сестер» Анатолия Эфроса в Театре на Малой Бронной или «Доходного места» Марка Захарова в Театре сатиры.

Чего власти опасались, было ясно еще до выпуска, на репетициях, поскольку Любимов ничего не боялся и ничего не скрывал. Что же касается того, как он вел себя, то могу заверить: здесь никаких открытий нет – как и другие, режиссер рассказывал актерам о пьесе, делал замечания, выскакивал на сцену, чтобы развести мизансцену, гневался на постановочную часть, которая вечно делала не то, не так и не вовремя.

Правда, Юрий Петрович говорил иначе, чем другие...

Мне довелось присутствовать на репетициях в январе 1979-го, в последний месяц перед премьерой. А сама премьера состоялась 12 февраля. Художник Давид Боровский. Композитор Эдисон Денисов. Раскольникова играл Александр Трофимов, Свидригайлова – Владимир Высоцкий, Катерину Ивановну – Зинаида Славина, Сонечку – Любовь Селютина... Спектакль был возобновлен в 90-м.

Александр Трофимов в роли Раскольникова.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

– Наташа, не забудь кандалы!

– Включи 53-й!

Репетиция еще не началась, но уже то включается, то выключается самая разная музыка. То вспыхивают, то гаснут софиты, высвечивая то один угол сцены, то другой. Сейчас пушка (мощный прожектор) уперлась в дверь – обшарпанную, в крови. Эта дверь – их три в спектакле – действующее лицо трагедии. Одна, в полу, как дверь в преисподнюю, открывается лишь однажды, чтобы проглотить самоубийцу Свидригайлова. Другая ведет в каморку старухи-процентщицы, она прикреплена прочно. Зато третья то вырастает в центре, как дверь в комнату Свидригайлова, то служит смертным ложем для Мармеладова, то, поднятая на руках, проносится после известия о смерти Марфы Петровны, то служит постелью для Раскольникова или, застеленная бедным одеялом, постелью для Сони. И т.д.

Юрий Любимов. У нас ведь очень много любителей говорить: «Историческая обстановка... «Надо, Федя, надо!» Актер должен обращаться в зал – там многие так рассуждают: «Одно убийство возможно, если главная цель хороша». Этим мы даже, в общем, смысл пьесы объясним, помимо всего прочего. Недоразвитым. А их не так мало: на каждого умного по дураку, и это им очень обидно.

– Миша, Свидригайлов должен говорить голосом грудным и резонирующим, а он у вас вялый, тусклый. Но у вас есть голос.

– К чему я подбираюсь?.. Духовный мир Достоевского настолько сложен...Человек интеллигентный должен знать Библию так же, как мифы Греции, римскую мифологию, какую угодно, чтобы разбираться в произведениях искусства. Если вы не знаете Библию, то просто не поймете живопись Возрождения. Вообще не поймете, что там нарисовано.

Это примерно так, как у нас «Мастера и Маргариту» смотрят. Спрашивают: «А кто этот оборванец?» Зритель не понимает. С ним предварительно беседовать надо, рассказывать, в чем дело, почему Пилат сразу в шею не выгонит этого оборванца. И почему всю жизнь его будет мучить слава Христа.

Так вот, без религии Федора Михайловича понять нельзя. Поэтому все так сложно и трудно. Но пока вы не поймете каких-то глубинных вещей, мы будем толкаться на месте. И вы будете выходить, как статисты плохого театра. Потому что основной конфликт здесь – духовный.

* * *

Разумихин, Дунечка и ее мать на улице попадают под дождик. Но дождя не сцене нет.

– Ну, где этот душ? Где эта торжественная акция? 10 минут проговорили перед репетицией, сказано было: ведро и дождик. Вот, братцы, это и есть профессионализм... Ну что, воду пустить не можете?

– Саша, ведь концепция разваливается под ударами жизни и вашего анализа: почему Раскольников не Наполеон? Почему у него начинается дрызготня? Он все ищет причины – почему? Он в шорах концепции.

Были ученые споры: не жертва ли он в свою очередь? Да, жертва – ложной теории, и не он выдумал, а просто, как юноша, увлекся модными идеями. Как тот мерзавец, который увлек и погубил 900 американцев, – они же отравили себя. Это ведь тоже огромной демагогией было пронизано. Не под конвоем же их туда сгоняли – сами поехали строить себе светлое будущее.

Почему Раскольников так жарко внушает нам свои идеи? Потому что одновременно ищет поддержки. В нас.

– Свидригайлов и Раскольников сидят как будто без партнеров. А на самом деле между ними все время бегают молнии – как в банке в опытах по физике у школьников. Как за столом чаепитие. Только в магазинах чаю нет. И кофе дорогой. Давайте.

* * *

В сцене Раскольникова с Соней должен был раздастся троекратный стук – пришли к соседям Сони. В нужном месте стука не последовало. «Стук!» – крикнул Любимов. Я сижу в первом ряду и вижу, как за кулисами Зинаида Славина немедленно трижды топнула. Сцена продолжалась.

– В Венгрии без меня восстановили спектакль, я приехал – и руками развел: актер, игравший Раскольникова, все время себя жалел. Он все искал человеческое, чтоб оправдать. А когда человек находится в шорах своей теории, он фанатик, а с фанатиками иметь дело – кошмар.

И, Саша, если говорить, где ошибки у вас, они здесь: как актер вы хотите его оправдать, защитить, что неправильно – в этой роли защищать его нельзя. Он так и должен остаться одиночкой.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

– Я недавно узнал, что Наполеон на святой Елене очень увлекался Библией, читал ее непрерывно. Читал, читал, читал и потом сказал, что Иисусу Христу удалась одна вещь, которая всем нам – он имел в виду Калигулу и людей своего калибра... ну, Сталина с Гитлером он еще не знал, – которая нам не удалась: его полюбил народ. Наполеон говорил о Боге реально. Как Раскольников. Бог-соперник. Он приравнивал себя, в общем, к Христу: вот Иисус добился, а он, Наполеон, не добился. Значит, Христос его опередил.

Тоже удивительный склад характера вождей: даже когда на покое, а все о том же...

* * *

Артист. Я, честно говоря, не знаю, как говорить...

– Как? Когда подозревают человека, как говорят? Если иметь в виду известную агрессивность человека, то Раскольников сидит в каждом из нас. Чего тут не понимать? Нельзя же так равнодушно произносить текст. Порядочный человек хоть там через три дня, четыре или через год, но когда-нибудь осознает, что был не прав. Он мучается и просит прощения. Федор Михайлович говорил, что если человек не страдает, то он сундук с гвоздями. Дальше.

– Саша, дикция, дикция!

– Казалось бы, ерунда, а это далеко не ерунда. Потому что это краска, к сожалению, чрезвычайная, характерная для всех времен, а для нашего в особенности – **равнодушие**.

– Почему такая дикая пауза? Давай, Коля, музыку. Хоть музыку хорошую послушаем, раз артист не играет.

– Вы все ищете **своей** логики, а есть логика **спектакля**. Почему вы не хотите учиться? Сколько я вам талдычу: актер должен понимать, что такое сценическое действие. И иметь свои приемы, чтобы их реализовывать на сцене. Ведь это не мой дурной характер, что я чаще всего не могу смотреть, когда прихожу в театр. Боюсь ходить, потому что несете белиберду – у меня и сил не хватает! А если уйду – скандал: «О, сволочь, ушел, не досмотрел!» А это пытка: я чувствую, что не могу глядеть, но должен досмотреть, чтоб не обижать людей. Вот почему я заранее собираю сведения: можно ли смотреть, нельзя?

А почему? А потому, что просто поражаюсь: что артист творит? Сентиментально, безвкусно, глупо, поперек автора! И ничего – все проходит. Все – как с гуся вода. Требования понижены чрезвычайно. И этим пользоваться, что ли?

* * *

– Внимание! Тишина за кулисами!.. Готовы?

– Еще две минуточки... – доносится из-за кулис.

– А белье готово?

– Готово...

– А прочая хреновина?

– Сейчас-сейчас...

– Год новый, а порядки старые, – вздыхает Любимов.

* * *

– Забыл фамилию маршала, его потом расстреляли. Он на Лубянке сказал: «Как вы со мной разговариваете?! Я еще не подследственный!» А следователь сказал ему с издевкой: «Что-о-о? Ты уж тут навечно!» Подошел к окну, отодвинул занавеску: «Вон там бегают – видишь? – муравьи. Вот все они уже – подследственные!» Маршалу! Вот она, раскольниковщина.

Вы всё не понимаете, о чем играете. А это ведь раскольниковщина, доведенная до конца. Уж он, этот тип, считает себя человеком высшего разряда. С бриллиантовыми запонками, в безукоризненной шелковой рубашке. Это мне старые коммунисты рассказывали – были свидетелями: он в присутствии человека – для устрашения! – вызвал жену его друга, разорвал ей блузку до живота – женщине! – и вывернул вот так соски. «Если не сознаешься во всем, и с твоей женой сделаем то же самое!» И потом ее в стенку головой – она потеряла сознание. Тогда подследственный схватил стул и замахнулся на него, но ударить не дали – скрутили, переломали руки, и очнулся он уже в камере.

Вы что, господа артисты, не понимаете, про что играете? Никого не слушаете, не в курсе каких-то вещей?

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

– У Мейерхольда Городничий, чтобы сказать: «К нам едет ревизор!» – ночью, при свечах, вытаскивал всех из постелей, они всклокоченные прибегали. А во МХАТе ничего не выходило с первой сценой, где Михаил Чехов играл Хлестакова. И когда актеры собрались на репетицию, вдруг вошел Станиславский и сказал: «Я должен сообщить вам очень печальное известие... вы газеты читали?» «Что, что, что?!» – закричали актеры. «МХАТ закрывают...» – у всех отвисла челюсть. Он сказал: «Вот так надо играть сцену!» *(Смех.)*

– У нас есть много артистов, которые говорят: «Я не буду ходить на репетиции других, потому что меня это сбивает». Чушь собачья, потому что ерунда. Это непрофессиональный подход: настоящий актер, когда сидит в зале, видит просчеты своего соперника, с которым соревнуется.

* * *

В сцене с Раскольниковым Соня читает из Евангелия эпизод воскрешения Лазаря. Поскольку Евангелия на тот момент не нашлось, Соня держала брошюру «Десятая пятилетка. Цифры и факты».

Слева направо: Нина Шацкая, Мария Полицеймако, Ольга Мулина, Таисия Додина, Владимир Высоцкий, Станислав Холмогоров.
Фото автора

* * *

– Надо все в пластике делать. А то вы стали столбами, ноги гвоздиками прибиты к планшету. Имейте это в виду.

– Надо заботиться о площадке – ходить, а то ты все время пузом к нам стоишь. Лужин должен заполнять всю сцену – собой, своим самодовольством, своим брюхом, своими биточками – он ведь, когда садится, любимых биточков съедает штук шесть.

* * *

Перерыв. Курилка. Девушка в светлом свитере с полосами и рыжебородый актер.

***Девушка.** А я тебя сегодня во сне видела.*

***Рыжебородый.** Это плохо. А как видела?*

***Д.** Так, в производственном процессе.*

***Р.** А-а-а, это ничего...*

После перерыва производственный процесс продолжался.

– Вы не понимаете, что через какие-то мелкие вещи очень выражается характер. Филатов кого-то там копирует – значит, копирует какие-то человеческие черты, которые выражают характер.

– Нельзя говорить приказным тоном: «Пойдемте, маменька! Пойдемте!» – так с матерью не говорят, болен ты или не болен. Есть действие сценическое, о чем я толкую вам **годами**. И актер должен **животом** своим понимать, что на сцене надо **действовать**, вытягивать **действие**.

Есть словесное действие, когда я на своего партнера действую мыслью. А мы на 15-м году существования театра дошли до того, что актер иногда вопроса задать не может! И не может ответить! Задается нормальный вопрос – и ждется ответ. И публика ждет вместе с вами: как отреагирует. А реакции нет.

– Тут вводящего света нету. Поэтому потрудитесь, пожалуйста, господа артисты, знать, где вы стоите, чтоб быть в свету. Потому что свет ставится точно на место, где должен быть актер. Со светом за вами никто бегать не будет.

– Костя, на фразу «Призраки Марфы Петровны» ты давал крест. Где он?

Любимов имеет в виду, что на эту фразу включались два прожектора – справа и слева, – прочерчивая диагонали и образуя крест. Сейчас прожектора не горят, а Костя не отзывается. Подождав, режиссер устало говорит:

– Ну ладно, поехали!

– У Свидригайлова после выстрела Дуни рука должна быть в крови. В кармане надо иметь ватку или что-нибудь кровавое. Трюк надо делать.

* * *

Артист. Я не знаю, как это сказать...

– А чего тут не знать? Это – **сегодняшний день**. Надо всегда играть **про жизнь**. Тогда вы будете граждане на сцене, художники, которые что-то хотят сказать – при помощи Федора Михайловича через его гениальный роман или другой текст.

Артист. Но тут нецензурное слово: «Ну, идите вы, бляди!»

– «Я – каторжная блядь!» – это у Толстого в «Воскресении». Это говорилось на спектакле во МХАТе.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

– Саша, он ведь говорит страшную вещь: «А чего вы хлопочете? По вашей же теории вышло: доведите ее до конца и выйдет, что людей можно резать!» Так ведь и режут везде... – тихо, потрясенно добавил Любимов. – **Везде и режут.** Нет дня, чтоб где-то не убили, чтоб террористы не угнали самолет или что-то, чтоб не расстреляли. Это только что случилось с Камбоджей, в Иране черт-те что. Братцы, это же все про это. **Про это!..** А вы опять будете мне частный случай играть, как старуху убили? Вы что, газет не читаете?..

– Давай, Коля, свой «блям»! – кричит Любимов, называя так аккорд на фортепиано. *(«Бляма» нет.)* – Ну ладно, нет так нет. Дальше!

* * *

Раскольников болен. Хозяйка должна предложить ему тарелку щей, затем – мыть пол. Но тарелки нет.

– Неужели не могли приготовить простую тарелку?.. Дальше.

Хозяйка. Что делал?

Раскольников. Работал.

Х. Много заработал?

Р. А за детей медью платят, что на копейки сделаешь?

Х. А тебе сразу надо весь капитал?

Р. Весь капитал сразу.

Х. А ты полегче, а ведь... *(Моет пол.)*

– Нет, вы прервитесь. Когда он сказал «весь капитал», замрите, хоть поднимите на него глаза.

Х. А ты полегче...

– Да нет, вы опять трете пол, значит, не приняли. Вот когда меня человек удивляет *(Любимов сделал удивленное лицо и даже приподнялся за режиссерским столиком)*, тогда он понимает, что на меня подействовала его фраза. А так – ничего не происходит.

* * *

Над сценой на двух веревках ползут рубашки – белые, мятые, грубого холста, висят тесно, налезают друг на друга.

– Наташа, белье очень высоко – на метр ниже всю бандуру. Потом, сколько говорить-то? Крахмалить надо, а вы просто рубах навесили. Чтоб к четвергу все было. Год не могут сделать ни черта!

* * *

– Ты начинаешь играть образ Петра Петровича, а не действие. Должна быть полемика. Ты веришь в свои аргументы. И нас – нас, нас, нас, зрителя, – берешь. Почему все зачеркивать? Когда наш театр вообще мешают с грязью, большинство из нас все же возмущается: «Нечто и сделано! Не такие уж мы плохие!»

Ты хорошо ругался – про этих баб, которые так тебя продали, – эта Дунечка с почтенной мамашей, – когда ты шел и говорил: «А?!.. А?!.. А?!..» Петр Петрович оптимист. Все хорошо. Давайте.

Разумихин....Дела давно не было.

Петр Петрович. И я опять позволю не согласиться с вами: **нечто и сделано.** А?!

Любимов *(из зала, восторженно)*. А?!

П.П. Распространены некоторые полезные мысли. А?!

Л. А?!

П.П. Некоторые новые полезные сочинения...

Л. *(опережая актера)* А?!

П.П....А?! *(грустно)* Мы безвозвратно отрезали себя от прошлого – это, по-моему, уже дело-с. А?!

Л. *(в азарте)* А?!

П.П. *(машинально)* А?!

Л. *(опомнившись)* Нет, это не надо. Ты неверно говоришь – надо, наоборот, с наслаждением: «Мы безвозвратно отрезали себя от прошлого...»

* * *

После выстрела Дуни пистолет падает на пол; странный звук. Любимов удивлен:

– Что, пистолет пластмассовый?

– Бутафорский, – отвечает из-за кулис помреж Наташа.

– Настоящий очень тяжелый, – говорит актриса, – я не буду...

– Что значит «не буду»?! – взрывается Любимов. – Дайте ей настоящий!

– Раскачиваю, раскачиваю вас, а ничего не получается. Почему я должен раскачивать всех без конца на старости лет?..

* * *

В эпизоде участвует мальчик лет шести. Узнав, что у него сегодня день рождения, Любимов выбежал на сцену, обнял его, расцеловал, пригласил после репетиции попить чаю. Малыш должен пересечь сцену по диагонали из правого дальнего угла в левый ближний, где стоит Раскольников; путь прочерчен лучом прожектора.

Любимов. Вот, мальчик, в день рождения пройдись по лучу. Пусть товарищи артисты посмотрят, как надо ходить.

* * *

– Ходи, ходи. А то опять встал брюхом к нам, как монумент самому себе. Вот и не выходит ни хрена.

– Когда же пушка (*прожектор.* – **Г.Ц.**) будет?

– Завтра... – отвечает кто-то.

– Это я уже слышу два месяца, – спокойно констатирует факт режиссер. – Значит, сегодня с ней нельзя работать?

Театральный народ безмолвствует.

* * *

– Вставайте с колен. Когда выходите на финал, не надо уже на коленях стоять.

З.Славина. Юрий Петрович, пусть на коленях стоят! Прямо сердце щемит! Пусть стоят!

– Ладно. Потом посмотрим...

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

– Надо играть, с одной стороны, духовность Достоевского, а с другой – раскольниковщину. Почему духовность? Он видит единственное спасение в духовности человека, в нравственности. В каком-то самосознании, что я – несовершенен.

В театрах этого почти что нет, почему и играть очень трудно. Получается одна игра, фальшь. Идет дикая подмена: вместо глуби – сантименты, вместо чувства живого – шпора. Потому что когда человек не имеет нравственной основы, он занимается просто вольтажом, профессиональными штампами. Идет суррогат. Как масло теперешнее: его намазывают, а оно разваливается.

Тут все актрисы в один голос закричали «Да-да!» – и засмеялись, поскольку тема оказалась всем знакомой.

– Для смерти Мармеладова надо кровь хорошую – полную тарелку.

* * *

Никак не могут пустить дождик.

– Так и будете безобразничать на спектакле? Что это, Наташа? Скажи им: пускай репетируют. Ведь будет ржа гомерическая.

Дождик вдруг пошел на монологе, что совсем не было предусмотрено.

– *(Саркастически.)* Вот правильно... *(В зале смех.)* Давай-давай, на монологе. Молодцы!

Дождь все пуще – не могут остановить.

– Горе вы, техники, горе. *(В зале хохот.)* Горе луковое.

Пошли веревки с бельем и застряли. Веревки дергают – они ни с места. В зале хохот.

– Я надеюсь, если такое будет на спектакле, у них хоть ума хватит ничего больше не трогать? Или они будут тупо дергать, как сейчас? Прекратите дерганье!.. Наташа, только кончится сон, сразу всякое движение прекращается – в каком бы состоянии ни были ваши рубашки проклятые.

Теперь на месте не оказалось стула, на который в финале должна сесть ожившая героиня.

– Куда исчезает стул, леший вас побери? Перестановок – три копейки. Запомнить не могут – три месяца.

Еще раз прогнали сцену – и опять стула не оказалось на месте.

– Сколько раз спрашивать: кто убирает стул? Кто вас просит? Ведь я каждый раз ору на вас! Если дырка в башке – записывайте!

Стул все же появляется – из-за кулис его подталкивают шестом. В зале хохот.

– (*Уже отошел.*) Ну посмешили. Клоуны...

В сцене Свидригайлова и Сони вдруг, наконец, пошел дождь и над сценой на веревках поплыло белье. Любимов засмеялся в голос.

– Бедные вы люди!.. – простонал он сквозь смех. – Зачем вам белье?.. Что с вами, Наташа?

– Со мной – ничего, – раздался голос из-за кулис. – Я им дала сигнал на дождь, они решили, что на белье...

* * *

Эпизод: *Дунечка (Нина Шацкая) приходит к Свидригайлову (Владимир Высоцкий; до него репетировал другой артист); когда тот пытается ее изнасиловать, Дунечка выхватывает пистолет и стреляет. Любимов напоминает:*

– План у Свидригайлова такой: спасти брата и уехать с сестрой в Америку. Давайте.

– Володя, расстегни ей платье – должно быть открыто полгруди... Так... Потом спокойно переходи в линию бедра... Спокойно обнимай ей ноги... Вот-вот... И задирай юбку. Лезь под юбку...

Высоцкий никак не может расстегнуть платье, и Шацкая, хотя она по мизансцене находится в тот момент в глубоком обмороке, начинает помогать расстегивать платье. *(В зале хохот.)*

– Подождите. Тут нужно технику отработать. *(Идет на сцену.)* Володя, смотри, как надо...

– **Голос**: Ну, вдвоем-то вы справитесь! *(В зале хохот.)*

Опомнившись, Дуня должна ногами сильно оттолкнуть Свидригайлова, но это требует известной техники, чтобы не ушибить актера.

– (*Вернулся в зал.*) Важно, Володя, чтобы потом был большой проход. Надо отлететь к стулу, а потом самому перейти к коричневой двери. И уже оттуда ползти к ней – на весь монолог.

– Нина, застегивай, застегивай платье, грудь убирай. Поджимай ноги под себя и толкай.

Шацкая поджала ноги под себя и толкнула. Высоцкий отлетел не к стулу, а сразу к двери.

В.Высоцкий *(потирая ушибленные места)*. Она меня так шарахнула!

– Нет, но технику нужно репетировать, тут торопиться не надо. (*Выбегает на сцену, показывает.*) Ноги – сюда, ему на грудь, чтоб не поранить, и потом толкнуть – вот так. Надо все спокойно отрепетировать.

– Нина, чего ты сумку-то убираешь? Он же не жулик.

Н.Шацкая. Там револьвер.

– Я знаю. Но можно не брать сумку, а только держать ее закрытой, чтоб револьвер не был виден, и уже попытаться убежать, забыв сумку... Дверь пробуй – открыта ли – раз, раз, бедром. В дверь вжимайся, как бы у двери ищи защиты... Вот-вот-вооот! И когда станет ясно, что закрыта, тогда уже начинай орать «помогите!»

Н.Шацкая. «Помогите!» я потом кричу.

– *(Разочарованно.)* Ааа, ну ладно...

– Володя, распределись. Когда она тебя оттолкнула, ты лежишь в жалком состоянии. Поднялся, отошел от двери, пошел к ней, а от стула встанешь на колени и там метр проползешь на коленях: тебе надо искупить животное твое безобразие... Ну еще раз: расстегни ей платье, обнимай ноги... И с азартом лезь под юбку.

Высоцкий расстегнул лежащей «в обмороке» Шацкой платье, обнял ноги и с азартом полез под юбку...

* * *

Любимов во время прогона обнаружил, что актер вставил себе в текст роли лишнюю фразу – она есть в романе, но отсутствует в инсценировке.

– Надо вымарать фразу. И всё. Всё время прибавляете себе по фразе, по две, по три, а они, в общем, ничего не меняют. Без моего разрешения в текст больше ничего не вставляйте, потому что иначе скоро мы опять будем играть три часа. Сегодня уже играли на восемь минут больше.

– Я сейчас вас отпущу... *(Все вдруг загалдели.)* Ради бога, перестаньте. Почему в вас так мало пытливости, товарищи? Ну задумайтесь, почему с такой досадой об артистах говорили Чехов, Пушкин, Гоголь?

З.Славина. А друг о друге они что говорили?

– Да ладно, вы будете на них еще замахиваться!

З.С. «Бульварист-романист, сующий Христа во все романы!» – это Бунин о Достоевском.

– Да перестаньте. Что – Бунин не понимал, что Достоевский есть Достоевский?.. А потому, что был другого склада человек. Так же, как Толстой говорил о Шекспире. Оставьте... Судите гениев не по тому, что они в сердцах говорили друг другу. Сравнили. Они же говорили другое – о необразованности нашей.

Женский голос. Побыли бы они в нашей шкуре...

– О чем вы говорите! Какая у тебя особенная шкура?

Другой женский голос. Дубленка.

Смех.

– Господа актеры свободны. До завтра.

З.С. Юрий Петрович, а можно вас попросить, чтобы завтра...

– Второй акт.

З.С....с самого начала? С первого акта? Юрий Петрович, родненький, пожалуйста! Мы – одно за другим. Со свежими силами. С первого акта, Юрий Петрович. Прямо все пройдем друг за дружкой и не потеряемся тогда по дороге. А то...

– Ладно. Завтра прогон с самого начала...